

УДК 130.2
ББК 87.667.1

DOI 10.47475/1994-2796-2021-10210

Сон «лунного человека»: размышления о предметно-энергийном аспекте преодоления расизма

А. И. Мацына

*Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил
«Военно-воздушная Академия имени Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Челябинске,
Челябинск, Россия*

Автор размышляет о возможности культурного преодоления такого социального явления, как расизм. Поводом к этому философскому размышлению послужил жизненный подвиг противостояния формирующемуся расизму великого русского гуманиста, ученого и путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая. Рассуждая об общеизвестных событиях его жизни, автор последовательно применяет предметно-энергийный подход А. Б. Невелева. Это позволяет выйти на новый уровень понимания возможности преодоления расизма в общечеловеческом масштабе.

Ключевые слова: *расизм, преодоление, культура преодоления, предметно-энергийный подход, предметность, энергия, предметная идентичность, предметное ядро личности, метаморфоз идентичности.*

Средства массовой информации констатируют сложившуюся в современном обществе ситуацию: сегодня очень многим не вполне понятно, как единичный случай полицейского произвола в Миннеаполисе в мае 2020 года, породил мощную волну антирасистских протестов американских мегаполисах, которые с легкостью перекинулись в города Старого Света [3]. Проблема расизма, наряду с другим наследием колониализма уходит своими корнями в эпоху Нового времени, когда Старый свет ставит «на поток» разграбление далеких земель и обращение их населения в рабство. Папские буллы¹ подтверждают это право на насилие, заставляя общественное сознание и мораль приспособляться под холодный практический и торговый интерес. Сложно не согласиться с точкой зрения о том, что последующий скачок экономического развития Западной Европы оплачен ценой колониального ограбления и порабощения народов Азии, Африки и Америки. Плачевные последствия колониальной системы, прекратившей свое существование лишь в начале 60-х годов XX века, сохраняются и сегодня в экономической зависимости и задержке развития бывших колоний. Кроме того, мировоззренческий разлом, который пролегает в общественном сознании и исторической памяти когда-то порабощенных, униженных и уничтоженных народов, хоть и не всегда очевиден, но всегда неимоверно глубок. По свидетельству очевидцев, современников

исторической трагедии колониализма, убийство народов происходило либо путем несправедливой, кровавой тиранической войны, либо обращением в жесточайшее рабство [4]. Причиной же и единственной целью этих убийств было обогащение, толкающее пришельцев на любой произвол в отношении жителей новых богатых земель.

Удобное идеологическое оправдание колониального преступления перед человечеством при помощи ветхозаветного положения о проклятии племени Ханаана² постепенно дополняются и сменяются лженаучными взглядами на идеи Дарвина о борьбе самых приспособленных особей. К середине XIX появляется научный расизм, обосновывающий в целом положение существования неполноценных рас как некоего переходного звена между приматом и человеком. Расизм обычно определяется как совокупность антинаучных воззрений, концептуальную основу которых составляют положения о физической и умственной неравноценности человеческих рас и решающем влиянии этих различий на историю и культуру.³ Девиация расизма порочно деформирует общественное сознание и порождает чудовищные социальные конфликты, частичное снятие которых связано с громкими акциями протеста борцов за права человека (Н. Мандела, М. Ганди,

² «Проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих» (Бытие 9:21-25).

³ См., напр.: Расизм // Большая советская энциклопедия. URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/articles/8681/rasizm.htm> (дата обращения: 08. 02. 2021).

¹ Например, «Dum diversas» 1452 года и «Inter caetera» 1455 года.

М. Л. Кинг), известных всему миру [3]. В современном контексте борьбы с расизмом сформулирован интересный вопрос о том, как великий русский ученый, путешественник и гуманист Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846—1888), в ситуации расцвета расистских теорий осмелился в одиночку противостоять колониальному миру, при помощи науки доказывая мировому сообществу, что ни одна раса не имеет прав на порабощение другой [3]. Подвижничество этого человека предвосхищает появление по-настоящему гуманистической концепции в мире, который и по сей день во многом построен на принципах социального (в том числе расового) неравенства людей. Его бунтарская научная теория, которая появилась во времена утверждения научного расизма, дарит человечеству шанс на выживание и сегодня становится только актуальнее хотя бы потому, что ни один из народов мира не застрахован от таких социальных явлений, как ксенофобия и геноцид. Думается, правомерным было бы предположение о том, что личный и научный подвиг преодоления расизма вызревает не только вследствие научных изысканий, но и как результат становления и развития личности Николая Николаевича, его морально-нравственного выбора. Представленное размышление не имеет целью обнаружить новую информацию о жизни и деятельности великого человека, человеческий и научный подвиг которого вдохновил не одно поколение романтиков и исследователей. Напротив, в своих рассуждениях мы попробуем опереться на общеизвестные обстоятельства его жизни, изложенные в общедоступной литературе. Для того, чтобы с позиций диалектики предметно-энергийного подхода [10] разглядеть возможность преодоления расизма на общечеловеческом уровне.

Предметно-энергийный подход [10] позволяет зафиксировать структуру предметного ядра личности «Я» в динамике его раскрытия миру и Другому «Я». Человек, как принципиально предметное существо (А. Б. Невелев), формирует сферу собственного бытия путем культурной разметки мира. Размеченный культурными средствами, мир превращается в тотальное нечто. Даже придание чему-либо статуса непредметности в этом случае оказывается предметной (словесной) разметкой бытия при помощи «безотносительного не» [1]. Культурная разметка осуществляется человеком при помощи размечающего орудия (меты). При этом мета превращает объект в нечто существующее для человека. Человек же с помощью меты активно раскрывается по отношению к этому нечто. Оба полюса человеческого бытия — как размечающее, так и размечаемое [11, с. 199] предметны

и относятся к сферам равно как материального, так и идеального бытия. Укорененность в обоих полюсах позволяет человеку орудийно дистанцироваться «от “приземленности” материального бытия» [11, с. 200], и стяжать одухотворенность идеального бытия при помощи символических и знаковых слоев «исчезающей предметности» [11]. Несмотря на полюсное различие этих предметных слоев, суть их остается принципиально единой в том, что они предметны и представляют «Я» человека как «бытие-между» ними [11]. «Я» как единство этих противоположностей и результат их сочетания, представляет собой как предметное ядро персональной идентичности человека определяемое «размечающим и размечаемым в их единстве» [11, с. 200].

Трансформация меты влечет за собой как «горизонтальные», так и «вертикальные» [11] изменения предметного ядра персональной идентичности. Бесконечно разнообразные «горизонтальные» изменения остаются в рамках одного предметного слоя и не затрагивают его качества. Понятие «вертикальной» трансформации обозначает ситуацию качественного изменения персональной идентичности. В структуре культуры, как мега-меты, различимы четыре группы объективных средств разметки бытия: орудия, символы, знаки и универсалии. Каждая из них принципиально особенным образом определяет предметные формы в составе ядра персональной идентичности человека: «Я-телесное», «Я-образное», «Я-знаковое» и «Я-универсально знаковое» [11]. Безусловно, в идеале три первых предметности должны быть «взвешены в эфире» универсального «Я» (А. Б. Невелев). Однако, в связи с далеко не нейтральным отношением к предметному содержанию собственного человек оказывается в ситуации «захваченности» личности любым из этих уровней. Такой метаморфоз персональной идентичности задает качество энергии захваченности (деятельной способности) человека, зависящей от его захваченности (любви), ценностей и смысла жизни: она будет иметь «одно качество при ее погруженности в техническую, орудийную среду, другое — при ее реализации в образной среде, третье — при ее развертывании в знаковой реальности» [11, с. 203]. Так, например, участие в социальном угнетении ради собственного благополучия или наживы, будь то крепостное право, колониальное порабощение или коррупция, имеет в своей основе захваченность «Я» материальным слоем предметности, «подминающим» под себя и мораль и нравственность. Все формы фетишизма демонстрируют энергию захваченности определенными образами как «картинками» бытия.

А. Б. Невелев приводит пример денежного фетишизма как результата поглощенности образами финансового могущества [11]. А расизм с этих позиций можно рассматривать как форму захваченности сознания образами превосходящей расы и собственной принадлежности к ней. Мощную «энергию увлеченности формами знакового бытия» [11, с. 203] демонстрируют формы фанатизма — религиозного, национально-этнического, политического и других, в том числе расового в виде научного расизма (расовых теорий). «Интенциональность сознания, как выражение предметной захваченности, формирует механизм идентификации «Я», которое как бы «прислоняется» к предмету, делая его ядром идентичности» [11, с. 203]. Идентичность «Я», фетишизирует собственную расовую принадлежность. Безусловно, сознание, достраивающее предметное бытие в такой разметке, низводит до ничтожественности другую расу и принадлежность к ней.

Явление расизма, как ксенофобская преграда к диалогу с Другим, указывает на необходимость его преодоления путем прироста объективности знания о природе собственного «Я». Преодоление фетишизации расовых предубеждений, достигнутое таким образом, «может тяжело переживаться <...> как фиаско <...>, «в многотрудности много печали» [12, с. 35]. Кроме того, преодоления «прислонившейся» субъективности может вовсе и не произойти, ведь «Я» вынуждено при этом произвести *самотрансформацию*. «Я» вынуждено уйти от себя, становящегося уже «не-Я» и перейти границу к тому, чем оно на данный момент еще не является, то есть к «не-Я». С этих позиций видится, что глобальная демаркация человечества, порожаемая расизмом, проходит отнюдь не по линиям формального обозначения социальных отношений и оппозиций, а бытийно, через предметное ядро идентичности каждого человека, стремящегося, говоря фихтеанским языком, к тождественности, которая жестко закрепляет границы: «Я есмь Я» [16, с. 48]. Трудность преодоления этой ситуации состоит в том, что в своем стремлении к неизменной определенности, мы упорно не желаем покинуть собственной облюбованной и обжитой нами предметности, в то время, как для непрекращающегося диалога с Другим и с миром именно она как раз и должна быть доведена до максимальной гибкости.

Кроме того, явление расизма имеет собственную историю «в лицах», которая в своей возвратной траектории порождает однопорядковое явление, получающее время от времени название «обратный расизм». Но имеет ли оно смысл с позиций предметно-энергичного подхода? Думается,

да. Оттолкнемся от положения о том, что «предмет, задающий форму идентичности на любом из уровней, несет в себе тенденцию объективной противоречивости, которая в этом случае будет сопряжена с персональной идентичностью «Я»» [11, с. 204]. Поскольку предметный мир текуч и изменчив, становится изменчивым и ядро персональной идентичности. В связи с этим персональная идентичность, как и сам этот мир, может находиться в состоянии непрерывной «болтанки» (Гераклит), как серии безостановочных переходов «Я» [11] от самоутверждения к самоотрицанию. В этой ситуации спасительным может быть лишь «Логос», если понимать его как предельную универсальную идеализацию предметной границы. Эта граница может быть зафиксирована лишь граничной мыслью. Идентичность же человека с этой граничной мыслью «делает “Я” предметно нерушимым» [11].

А. Б. Невелев исходит из того, мышление охватывает мир в целом при помощи парных категорий [11]. Это обнаруживает его диалектическую противоречивость. Противоречие «А-не А» содержит в себе три возможности предметной персональной идентичности. Это может быть идентичность с «А», идентичность с «не-А», и идентичность с самой границей «не», «безотносительным не» (Г. Гегель), «нетостью» (М. Хайдеггер) [11]. Идентичность «Я» с предметной формой «безотносительного не» [11] способна критически устранить все предметные формы, претендующие захватить энергию личности. Этого рода определенность высвобождает деятельную способность «человека, который, как «корабль, стоящий под парами» потенциально готов «отплыть» в любом предметном направлении, после постановки цели» [13, с. 111]. В этом случае в качестве нерушимого предметного основания «Я» утверждается само не-определенное бытие как таковое. Следовательно, «Я» становится способным фокусировать энергию любви (захваченности) человека в предельно возможной чистоте, в предельно «универсальной энергии любви» [18]. Человек становится ценен для Другого и для себя «...именно как место Бытия, блага, Истины и Красоты. Только переход «Я» через фазу этой экстагической вспышки приносит в мир человека высшее согласие» [11, с. 205]. В связи с этим А. Б. Невелев считает, что предметная и энергичная стороны человеческого бытия находятся между собой в отношении обратной зависимости: чем меньше предметная определенность бытия человека, тем больше его энергичная насыщенность. Предметная определенность бытия человека, «стремящаяся к нулю» [11] в качестве «исчезающей предметности» [19]

приводит к мощной фокусировке энергии любви (захваченности) и к вспышке экстаза бытия, идентичность с которым радикально преобразует персональную идентичность человека [11].

Учитывая сказанное выше, проблема преодоления расизма с позиций предметно-энергийного подхода видится, как проблема начала осознанного возвратного движения «Я» к его наиболее потенциальному демаркированному состоянию. Такое состояние предполагает максимальную концентрацию предметно неопределенной деятельностной способности как таковой, или энергии, как непредметной деятельности [13]. При этом А. Б. Невелев обращает внимание на «положительную трактовку отрицающей частицы «не» [13]. Средством объяснения этой ситуации в рамках предметно-энергийного подхода вполне возможно воспользоваться категорией метаморфоза отношения, указывающего и на метаморфоз идентичности человека [12]. Если на уровне восприятия, представления и понятия сохраняется идентификация с бытийными качествами, то уровень универсалий устраняет предметную определенность и «дает возможность идентифицировать человеческое Я с самим бытием» [12, с. 52]. Для того, чтобы универсалия позволила сверхчувственно охватить мир как «все во всем», необходимо, чтобы содержание понятия (как мыслимая совокупность существенных признаков предмета), устремившись к неопределенности, открыла человеку «взгляд на мир как таковой» [12, с. 52]. Такая предельная предметность, отраженная в тенденции содержания понятия к исчезновению оказывается не-предметной, связанной «с исчезновением любой предметности, кроме определенности слова, обозначающего это исчезновение» [12, с. 57]. Ситуация *преодоления* предметной идентичности Я на этом уровне предельной универсальной нетости раскрывается как динамичная ситуация «перцепления» идентичности человека «с преобладанием того, ЧТО он есть», на преобладание того, «что он ЕСТЬ» [12, с. 61]. Это представляется крайне актуальным в контексте проблемы преодоления, поскольку вполне очевидно, что философские системы стремятся к максимальному «стиранию» предметности и достижению энергийности предельно универсального Я. Не того Я, который есть определенный КТО-ТО, а того Я, который неопределенно, но ЕСТЬ по отношению к МИРУ.

В свете сказанного выше некоторые общеизвестные факты жизни Николая Николаевича Миклухо-Маклая очень показательны. Русская культурная идентичность, как принадлежность к духовной культуре державы, которая никогда не

была колониальной. Но то противоречие между гуманистическим складом русской культуры и сохранения крепостного права как чудовищной формы личной зависимости части собственного населения страны вплоть до 1861 года не могло не оставить следа в формирующейся предметной идентичности любого здравомыслящего человека. Кроме того, считается что идеи гуманизма будущему ученому прививает его мать, Екатерина Семеновна, которая оставшись после утраты мужа все же смогла дать каждому из пятерых детей достойное образование и неустанную заботу. Возможно ее наполовину польское происхождение и близость в юности к кружку А. Герцена с идеями социализма, социальной справедливости и интернационализма, повлияло на воспитание детей в духе уважения к людям всех национальностей, в уважении личности. Позже события польского восстания 1863—1864 годов побудят Николая глубже интересоваться польской культурой, а его поиски национальной идентичности завершаются тем, что в предсмертной автобиографии он подчеркивает смесь русского, германского и польского элементов. Чувство равноправия, обозначившееся уже в юности, заставило его в восемнадцать лет написать такие строки: «Я всегда испытываю большую симпатию к бедным и тем, кто находится в плохих политических и социальных условиях. У меня большая симпатия к бедным и бесправным, чем к богатым и полноправным» [9, с. 141]. Метаморфоз идентичности, обусловленный общественными условиями, влиянием нравственно ориентированной русской философской культуры и духовная обстановка в семье воспитывают в Николае личность с гуманистическим складом, с обостренным чувством справедливости. И то, что это глубинное, а не показное движение его души, станет еще более ощутимым впоследствии. Его юность проходит на фоне Крестьянской реформы, волнений, восстаний, революционного подъема, подпольных кружков разночинцев, на фоне несокрушимой веры в естественные науки и идеалы Просвещения. В это время появления интернациональных по своей сути социал-демократической и коммунистической идей, любой интеллигентный, здравомыслящий и романтически настроенный молодой человек рано или поздно должен был осмыслить революционные идеи о справедливом устройстве общества. Молодой Николай, безусловно, так же прошел через этот социально-активный этап становления его личности. Многие отмечают сходство характера молодого Николая с романтическими образами революционера-разночинца. Известно, что одним из его любимых литературных героев становится

образ «особенного человека» Рахметова из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». И действительно он, подобно «самоломанному» Рахметову спешил жить, пренебрегая опасностями, болезнями, болью, препятствиями разного рода. Его решительное предметное «бытие между» формирует в нем необыкновенно храбрую, романтическую, харизматичную и сложную пассионарную личность.

Уход из гимназии, участие в волнениях, потеря права на российское образование [8, с.568], продолжение образования за границей, в Германии — все это, вероятно, указывает на способность его «Я» к самотрансформации, к переходу по направлению к «не-Я», способность к свободному оставлению обжитой предметности, а значит — к преодолению демаркации в структуре собственного ядра предметной идентичности. Известно, что в гейдельбергский период университетской учебы Николай Николаевич был увлечен идеями утопического социализма Р. Оуэна, А. Сен-Симона, идеями Н. Г. Чернышевского, роман которого «Что делать?» он привез с собой из Санкт-Петербурга [6, с.12-13]. А известие о гражданской казни Н. Г. Чернышевского потрясло его. Обряд гражданской казни в Российской империи состоял в публичном унижении наказуемого, лишении его всех прав состояния. Говоря иными словами — в принудительном лишении личности всех социально-бытийных атрибутов, в шоковом оставлении телесного «Я» в состоянии предметной неопределенности. Известно, что впоследствии связь Николая Николаевича «с передовыми идеями шестидесятых годов гораздо менее заметна, но глубока и прочна. Она лежит не на поверхности, а в самой основе того общественного и научного дела, которому он отдал жизнь. “В числе предубеждений... — писал вождь революционной демократии шестидесятых годов Чернышевский, — очень заметное место занимает предрассудок, будто один народ по самой своей природенной натуре, по своей расе неспособен к тому, к чему способен другой, так же по своей расе”» [17, с. 19].

Начиная с 1865 года, с переходом Николая Николаевича в ученики к Э. Геккелю перед русским студентом открывается огромный мир. Научный руководитель берет его с собой в экспедицию на Канарские острова. А затем — экспедиции в Марокко и Сицилию, в Красное море и Египет, в Аравию и Йемен, в Эфиопию и Судан, в Крым и на Волгу. Но экспедиция в Новую Гвинею, безусловно, была самой тяжелой и по-настоящему опасной в связи с долгим путем в месяц морского плавания и огромными рисками для жизни. Кроме того, огромным риском был и сам непосредствен-

ный контакт Н. Н. Миклухо-Маклая с папуасами, которые его очень сильно остерегались и были готовы убить. Но его выдержка необычайная харизма помогли добиться расположения, а впоследствии заслужить их любовь и уважение. Ученый осуществил экспедицию в уголок земли, где к тому времени длительный срок уже присутствовали европейские исследователи. Научная парадигма того времени допускала странные вымыслы об антропологическом типе и внешности папуасов, что вполне согласовывалось с колонизаторской моралью и набирающим силу научным расизмом. Кроме того, в середине XIX столетия получает развитие научный расизм, или расовая теория, послужившая в дальнейшем основой расовой дискриминации. В рамках расовых теорий, например, утверждались идеи об отсутствии родства между расами и их неравноправном положении [20]; о неравенстве человеческих рас и наличии высшего расового типа, призванного господствовать над другими [2]. Позиции расистов существенно усиливаются после публикации дарвиновской теории, когда ее приверженцы пытались обосновать тезис о происхождении человека от приматов при помощи расистской теории близости темнокожих рас к обезьянам. Конфликт взглядов Н. Миклухо-Маклая с подобными воззрениями приводит его к разрыву отношений с Э. Геккелем.

Однажды, во время короткого пребывания в Лондоне, в разговоре с Альфредом Уоллесом ученый сказал, что «сможет что-либо узнать о туземцах только тогда, когда поселившись с ними, станет одним из них» [15, с. 156]. При подготовке экспедиции в Новую Гвинею путешественник окрылен исследовательским стремлением: «Я план странствования своего подчинил антропо-этнографическим целям, при которых всегда останется у меня время для специальных анатомических исследований» [8, с. 8]. Чистый научный интерес, связанный с поисками «сердца всего человечества» приводит его к этому «проблематическому материку», считая обитателей Новой Гвинеи наиболее изолированными, наименее подверженными примесям с другими племенами. С точки зрения ученого, они смогли бы послужить исходной группой для сравнения с другими народами. Поселившись на побережье Новой Гвинеи, он два с половиной года проводит всесторонние исследования в этнографической зоне. Его исследование устранило все вымыслы, лишило всяких оснований расистские теории и принесло доказательства видového единства человечества.

Обнаружив научные доказательства о равенстве рас, ученый самоотверженно включается в социально-политическую деятельность по защите

прав этих народов. Веря в благородство сильных мира сего, он обращается к русскому императору Александру II о протектората над Новой Гвинеей¹; он адресует проект развития этой территории командующему британскими ВМС Дж. Уилсону, предотвращая его карательную акцию на юго-восточном побережье Новой Гвинее; он пишет рейхсканцлеру Германской империи О. фон Бисмарку о необходимости цивилизованного мира взять на себя защиту прав местного населения островов Тихого океана; а затем, опять, обращается к великому князю Алексею Александровичу и ко вступившему на российский престол императору Александру III. Возвратившись к идее российского протектората над Берегом Маклая, он, вероятно, надеялся совместить ее с идеей независимого государства Папуасского Союза.

Мы вспомнили общеизвестные данные из жизни великого путешественника, чтобы в самых общих чертах определить причины того, почему этот человек смог оказаться принятым папуасами и почему он, порой даже не имея достаточных ресурсов для жизнеобеспечения, находил в себе силы выступать в роли их защитника? Как ему удалось стать тем Человеком, о котором Л. Н. Толстой напишет: «Вы первый несомненно опытом доказали, что человек везде человек, то есть доброе общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой» [14, с. 378]. Думается, что именно на этот, предуготовленный всей предшествующей жизнью Миклухо-Маклая способ раскрытия себя миру, указывает всем известный символический случай, произошедший в самом начале пребывания ученого на берегу Новой Гвинее. Экипаж корвета «Витязь», впервые бросившего якорь в заливе Астролябия, прощается с ученым и его сопровождающими. Моряки обещают приплыть через два года за первопроходцами. Сам ученый, предвидя возможный исход, просит обязательно найти и забрать хотя бы дневники. Да, он, безусловно, мог напугаться людей, сложившийся образ которых пугал многих. И мог бы из страха применить оружие, если бы оно... было. Ему угрожали оружием, но он продолжал поиски контакта, оставаясь безоружным. Когда он впервые вошел в деревню, на него были направлены копыта, а рядом с воткнулось несколько стрел. И возможно, он поддался бы страху, но неожиданно сделал по-другому. Измученный бесплодными попытками установления контакта, он просто расстелил под деревом циновку, улегся и

¹ Не колонизации, а протектората как особого отношения между сторонами с сохранением суверенитета слабой стороны.

уснул. Лишь после того, как он проснулся, стало ясно, что они рассматривали его. Это было страшно и удивительно для них. Но он дал им возможность преодолеть свой страх. И их страх ушел, оставив место долгой и устойчивой положительной социальной памяти, благодаря которой сейчас развиваются и укрепляются отношения между нашими странами [5]. Можно ли было бы представить себе, что страны начали дружить благодаря тому, что когда-то было осуществлено правильное отношение одних людей к другим людям? Думается, что эта картина будет недостаточна без учета очень важного, на наш взгляд, обстоятельства. В этом, поистине легендарном повествовании присутствует другой участник этого исторического диалога. Это папуас, молодой человек по имени Туй, который в рамках своей культуры, по всей видимости, обладал особенной открытостью миру. Именно Туй стал первым другом путешественника и впервые назвал его «*karam tamo*» — «лунный человек» [5]. Быть может, диалог и смог состояться только благодаря тому, что не одна, а обе стороны обладали особенной чертой — максимальной способностью преодоления границ собственного предметного бытия, делающей их максимально открытыми миру? Вероятно, об этой ситуации говорит впоследствии сам Н. Миклухо-Маклай: «Я много раз замечал, что туземцам нравился мой образ действий. Они видели, что я поступаю с ними открыто и не желаю видеть больше, чем они хотят мне показать» [7, с. 156]. В этом контексте сон путешественника на окраине папуасской деревни, утомленного неудачными попытками контакта, представляется как глубокий по своей сути экзистенциальный акт решительного сбрасывания любых предметностей с собственного «Я». Возможно, этот решающий порыв «исчезающей предметности» привел к «мощной фокусировке энергии любви (захваченности)» [11, с. 205] личности ученого в его стремлении к преодолению расистского безумия на основе универсального принимающего диалога равных по достоинству.

Расизм не может быть изжит указаниями, установками правительств, либо внешними социальными манипуляциями без философской рефлексии. Применение философского подхода позволяет различить структуру и сущность явления и возможности его культурного преодоления. Роль философии при этом не может быть сведена к нахождению рецептов для осуществления конкретных действий и реализации конкретной программы борьбы с расизмом. Однако философский подход позволяет, углубившись в постижение сущности явления, выстроить не-

кий идеализированный концепт, который, подобно системному администратору в сфере ИТ, будет способен (или же вовсе нет) настроить и отладить всю работу сложной системы человеческих отношений. Это предполагает, в первую очередь, долгий и кропотливый труд человечества по укреплению философской рефлексии в обществе. Формирование в общечеловеческих масштабах культуры преодоления расизма предполагает «перезагрузка» ограниченной расовой

предметной идентичности «Я» на преобладание трансцендирующей предметной идентичности предельно универсального «Я», который неопределенно, но ЕСТЬ по отношению к МИРУ. Это и позволит выстроить универсальный диалог, растворяющий девиацию расизма. Остается добавить лишь, что начало такого диалога становится возможным лишь при наличии в Другом преобладания такого же универсального «Я», способного пойти навстречу.

Список литературы

1. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель // Сочинения : в 3 т. Т. 3. Москва : Мысль, 1972. 371 с.
2. Гобино, Ж. А. де. Опыт о неравенстве человеческих рас / Ж. А. де Гобино. Москва : Одиссей : Олма-Пресс, 2001. 764 с.
3. Дворецкова, А. «Радио ДОК». Николай Миклухо-Маклай // Сигналы точного времени. Радио России. URL: <https://www.radiorus.ru/brand/59306/episode/2422146> (дата обращения: 17.07.2020).
4. Лас Касас, Б. де. История Индии : пер. с испанского / Б. де Лас Касас. Ленинград : Наука, Ленинградское отделение. Ленинград, 1968. 472 с.
5. Миклухо-Маклай, Н. Н. Миклухо-Маклай — XXI век. Ожившая история / Н. Н. Миклухо-Маклай. URL: www.mkluho-maclay.ru.
6. Миклухо-Маклай, Н. Н. Письма. Документы и материалы / Н. Н. Миклухо-Маклай. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 5. М. : Наука, 1996. 823 с.
7. Миклухо-Маклай, Н. Н. Путешествия на берег Маклая / Н. Н. Миклухо-Маклай. М. : Географгиз, 1956. 415 с.
8. Миклухо-Маклай, Н. Н. Статьи по зоологии, географии и метеорологии / Н. Н. Миклухо-Маклай. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 3. Ч. 2. М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1952. 468 с.
9. Миклухо-Маклай, Н. Н. Человек с Луны : дневники, статьи, письма Н. Н. Миклухо-Маклая / Н. Н. Миклухо-Маклай ; сост., подгот. текстов, послесл. и коммент. Б. Н. Путилова. М. : Молодая гвардия, 1982. 336 с.
10. Невелев, А. Б. Предметно-энергетическое исследование культуры: к постановке проблемы / А. Б. Невелев // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад — диалог мировоззрений : тез. докл. VII Рос. филос. конгресса, Уфа, 6 — 10 октября 2015 года : в 3 ч. Ч. II. Уфа : РИЦ БашГУ, 2015. С. 41.
11. Невелев, А. Б. Техника, символ и знак в предметно-энергетическом бытии человека // А. Б. Невелев. Избранные труды. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2019. 279 с.
12. Невелев, А. Б. Философия познания : учеб. пособие / А. Б. Невелев, Н. Л. Худякова. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2015. 123 с.
13. Невелев, А. Б. Энергетичность бытия человека как не-предметный феномен культуры // А. Б. Невелев. Избранные труды. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2019. 279 с. С. 199—208.
14. Толстой, Л. Н. Письма, 1880—1886 гг. // Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 63. М. ; Л. : Госиздат, 1934. 522 с.
15. Тумаркин, Д. Д. Белый папуас: Н. Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи / Д. Д. Тумаркин. М. : Восточная литература, 2011. 623 с.
16. Фихте, И. Г. О понятии наукоучения, или так называемой философии // И. Г. Фихте. Сочинения в двух томах. Т. 1. СПб. : Мифрил, 1993. С. 7—64.
17. Чуковская, Л. К. Избранное / Л. К. Чуковская. М. : Время, 2011. 575 с.
18. Шарден, П. Т. де. Божественная Среда : пер. с фр. / П. Т. де Шарден. М. : Гнозис, 1994. 208 с.
19. Ясперс, К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире / К. Ясперс ; пер. А. К. Судакова. М. : Канон+ : Реабилитация, 2012. 384 с.
20. Nott, J. C. Types of Mankind, or Ethnological Researches / J. C. Nott, G. R. Gliddon. 7th ed. Philadelphia : Lippincott, Grambo & Co ; London: Trübner & Co, 1855.

Сведения об авторе

Мацына Андрей Иванович — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная Академия имени Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» в г. Челябинске, Челябинск, Россия. *matsyna@inbox.ru*

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 2 (448).
Philosophy Sciences. Iss. 59. Pp. 67—75.*

The sleep of the “moon man”: reflections on the objective energetic aspect of overcoming racism

A.I. Matsyna

*Branch of military educational and scientific center
of the air force “Air Force Academy” in Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia. matsyna@inbox.ru*

The author reflects on the possibility of cultural overcoming of such a social phenomenon as racism. The reason for this philosophical reflection was the life feat of opposing the emerging racism of the great Russian humanist, scientist and traveler N. N. Miklukho-Maklay. Discussing the well-known events of his life, the author consistently applies the subject-energy approach of A. B. Nevelev. This allows us to reach a new level of understanding of the possibility of overcoming racism on a universal scale.

Keywords: *racism, overcoming, the culture of overcoming, object-energy approach, objectiveness, energy, objective identity, object core of individual, metamorphosis of identity.*

References

1. Gegel' G.V.F. Nauka logiki [Science of logic]. *Sochineniya: v 3 t. T. 3* [Works : in 3 vols. Vol. 3]. Moscow, Mysl', 1972. 371 p. (In Russ.).
2. Gobino Zh. A. de. *Opyt o neravenstve chelovecheskih ras* [Experience on the inequality of human races]. Moscow, Odissej, Olma-Press, 2001. 764 p. (In Russ.).
3. Dvoreckova, A., Kruglov, A. «Radio DOK». Nikolaj Mikluho-Maklaj [«Radio DOK». Nikolay Miklukho-Maclay]. *Signaly tochnogo vremeni. Radio Rossii* [Precise time signals. Radio Russi]. Available at: <https://www.radiorus.ru/brand/59306/episode/2422146>, accessed 17.07.2020. (In Russ.).
4. Las Kasas, B. de. *Istoriya Indij* [History of India]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1968. 472 p. (In Russ.).
5. Mikluho-Maklaj, N. N. *Mikluho-Maklaj — XXI vek. Ozhivshaya istoriya* [Miklouho-Maclay — XXI century. History revived]. Available at: www.mkluho-maclay.ru. (In Russ.).
6. Mikluho-Maklaj N.N. *Pis'ma. Dokumenty i materialy* [Letters. Documents and materials]. *Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 5* [Collected works : in 6 vols. Vol. 5]. Moscow, Nauka, 1996. 823 p. (In Russ.).
7. Mikluho-Maklaj N.N. *Puteshestviya na bereg Maklaya* [Travels to the Maclay Coast]. Moscow, Geografiz, 1956. 415 p. (In Russ.).
8. Mikluho-Maklaj N.N. *Stat'i po zoologii, geografii i meteorologii* [Articles on zoology, geography and meteorology]. *N. N. Mikluho-Maklaj. Sobranie sochinenij: v 5 t. T. 3. Ch. 2* [N.N. Miklouho-Maclay. Collected works : in 5 vols. Vol. 3. Part 2]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1952. 468 p. (In Russ.).
9. Mikluho-Maklaj N.N. *Chelovek s Luny : Dnevniki, stat'i, pis'ma N.N. Mikluho-Maklaya* [Man from the Moon: Diaries, Articles, Letters of N. N. Miklukho-Maclay]. Moscow, Molodaya. gvardiya, 1982. 336 p. (In Russ.).
10. Nevelev A.B. *Predmetno-energijnoe issledovanie kul'tury: k postanovke problemy* [Subject-energy study of culture: to the problem statement]. *Filosofiya. Tolerantnost'. Globalizaciya. Vostok i Zapad — dialog mirovozzrenij: v 3 ch. Ch. II* [Philosophy. Tolerance. Globalization. East and West — a dialogue of worldviews: in 3 parts. Part II]. Ufa, RIC BashGU. P. 41. (In Russ.).
11. Nevelev A.B. *Tekhnika, simbol i znak v predmetno-energijnom bytii cheloveka* [Technique, symbol and sign in the subject-energy being of a person]. *A.B. Nevelev. Izbrannye trudy* [A.B. Nevelev. Selected Works]. Chelyabinsk, Izdatl'stvo Chelyabinskogo goudarstvennogo universiteta, 2019. 279 p. (In Russ.).
12. Nevelev A.B., Hudyakova N.L. *Filosofiya poznaniya* [Philosophy of Knowledge]. Chelyabinsk, Izdatl'stvo Chelyabinskogo goudarstvennogo universiteta, 2015. 123 p. (In Russ.).

13. Nevelev A.B. *Energijnost' bytiya cheloveka kak ne-predmetnyj fenomen kul'tury* [The energetic nature of human being as a non-objective phenomenon of culture]. *A.B. Nevelev. Izbrannye trudy* [A.B. Nevelev. Selected Works]. Chelyabinsk, Izdatl'stvo Chelyabinskogo goudarstvennogo universiteta, 2019. Pp. 199—208. (In Russ.).
14. Tolstoj L.N. *Pis'ma, 1880—1886 gg.* [Letters, 1880—1886]. *L.N. Tolstoj. Polnoe sobranie sochinenij. T. 63* [L.N. Tolstoy. Full composition of writings. Vol. 63]. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1934. 522 p. (In Russ.).
15. Tumarkin, D. D. *Belyj papuas: N.N. Mikluho-Maklaj na fone epohi* [White Papuan: N.N. Miklouho-Maclay against the background of the era]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2011. 623 p. (In Russ.).
16. Fihte I.G. *O ponyatii naukoucheniya, ili tak nazyvaemoj filosofii* [On the concept of science, or the so-called philosophy]. *I.G. Fihte Sochineniya: v 2 t. T. 1* [I.G. Fichte. Work: in 2 vols. Vol. 1]. St. Petersburg, Mifril, 1993. 687 p. P. 7—64. (In Russ.).
17. Chukovskaya, L. K. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow, Vremya, 2011. 575 p. (In Russ.).
18. Sharden P.T. de. *Bozhestvennaya Sreda* [Divine Wednesday]. Moscow, Gnozis, 1994. 208 p. (In Russ.).
19. Yaspers K. *Filosofiya. Kniga pervaya. Filosofskoe orientirovanie v mire* [Philosophy. Book One. Philosophical orientation in the world]. Moscow: Kanon+, 2012. 384 p. (In Russ.).
20. Nott J.C., Gliddon G.R. *Types of Mankind, or Ethnological Researches*. Philadelphia : Lippincott, Grambo & Co.; London : Trübner & Co, 1855.